Именно с этим элементом можно сопоставить такие выражения Илариона, как «добр послух благоверию твоему, о блаженниче, святая церкви святыа богородица Мария», «добр же зело и верен послух сын твой Георгий».[30]

Хотя связь формы Похвалы Ростиславу с формой актов не является исключительной для этого произведения,[31] все же можно сказать, что автор Похвалы прекрасно владел распространенной юридической формулой и мыслил в своем труде в определенной степени юридически. Возможно, что он был связан с таким учреждением, как епископская канцелярия, занимался составлением документов кафедры. Автор смоленского произведения был, очевидно, не только политиком и писателем, но и юристом.[32]

10. Обратимся ко второй части нашего памятника, следующей после Похвалы Ростиславу, — к летописной записи об освящении смоленской церкви Богородицы. В этой записи говорится, что церковь была освящена епископом Мануилом 15 августа 6658 г., причем этот год соответствовал 13-му индикту. Такая дата показывает, что перед нами сентябрьский, византийский календарный год и что освящение церкви произошло 15 августа 1150 г.

Смоленская летописная запись в Нифонтовском сборнике представляет немалый интерес в целом ряде аспектов, и прежде всего как исторический источник. Согласно этой записи, церковь Богородицы, функционировавшая как кафедральная церковь Смоленской епархии с 1136 г., была освящена в 1150 г. Сравнительное изучение этой записи совместно со смоленскими известиями в Михайловском сборнике XVII в. (о которых ниже), уставной грамотой Ростислава смоленской церкви Богородицы 1136 г. и записью о смерти Ростислава в Супрасльской летописи, а также результаты археологического исследования собора Н. Н. Ворониным показывают, что здесь говорится не о первом освящении церкви, а о вторичном, связанном, очевидно, с осквернением святыни в ходе политической и церковно-политической борьбы князя Изяслава Мстиславича в 1147—1150 гг. за митрополичью кафедру для митрополита Клима Смолятича, своего ставленника.[33]

11. Смоленская Похвала и летописная запись при ней дают определенный материал для суждений о существовании смоленского летописания в XII в. — загадке, не решенной до сих пор.[34] Раннее смоленское летописание — особая сложная тема, ждущая своего исследователя. Однако уже изучаемые нами источники позволяют увидеть некоторые следы летописной работы в Смоленске XII в.

---

[30] L. Müller. Des Metropoliten Ilarion Lobrede..., S. 102, 103, 105—107, 120—121.

[31] Нельзя не обратить внимания также на то, что определенную близость к форме юридического документа обнаруживают те сочинения о князьях, которые ставят своей целью обоснование прав князей на канонизацию.

[32] О связи и Илариона с памятниками права и участии его в кодификации и записи норм церковного права на Руси см.: Я. Н. Щапов. Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. — Византийский временник, т. 31, М., 1971, стр. 73—78.

[33] Подробнее о значении этой летописной записи для изучения церковно-политической и архитектурной истории Смоленска см.: Я. Н. Щапов. Княжеские уставы и церковь в древней Руси XI—XIV вв. М., 1972, стр. 140—146.

[34] Среди работ, касающихся вопроса о летописании в Смоленске, нужно назвать: А. Клебанов. Летописный рассказ событий Киевской, Волынской и Галицкой Руси от ее начала до половины XIV в. М., 1871; А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 234—236, 253, 369; В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. 2, кн. 1. Киев, 1908, стр. 438—538; В. А. Арнаутов. «Киевская» летопись Супрасльского сборника. (К вопросу о смоленском летописании). — ИОРЯС, т. XIV, СПб., кн. 3, 1910, стр. 1—34; Ф. П. Сушицкий. Западнорусские летописи как памятники литературы, ч. I. Киев, 1921.